

УДК 321

Бурятская художественная интеллигенция и власть: взаимодействие и конфронтация (1920–1930-е гг.)

С. В. Кириченко

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. В статье рассмотрены взаимоотношения художественной интеллигенции Бурят-Монгольской АССР с властью в структуре советского общества периода 1920–1930-х гг. Автором предпринята попытка изучить и дать объективную оценку организации и проведению идеологических кампаний власти в сфере культуры в рассматриваемый период. На основе анализа архивных документов реконструирован процесс реализации постановлений партии по вопросам культуры и искусства на местах на примере национальной республики.

Ключевые слова: художественная интеллигенция, советская власть, политика, коммунистическая партия, идеологический контроль, цензура, репрессии.

Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти всегда привлекала внимание исследователей из самых разных областей науки и культуры. К настоящему времени сложилась обширная историография проблемы формирования, становления и развития советской интеллигенции. Вместе с тем многие принципиальные вопросы функционирования данной группы еще не решены до конца. Сегодня провинциальная художественная интеллигенция переживает сложный этап в своем развитии. Она внутренне дифференцирована как в экономическом, так и в политическом отношении, причем по своим характеристикам и тенденциям экономическая дифференциация не совпадает с политической. Как справедливо подчеркивает Н. Д. Волгина, «среди экономических факторов внутригрупповой дифференциации явно преобладают имущественные, причем непосредственно связанные с самосохранением данной группы. Это та социальная грань, за пределами которой интеллигенция утрачивает свою социальную специфику» [12, с. 9]. Чтобы приблизиться к решению сегодняшних проблем интеллигенции, в том числе художественной, необходимо реконструировать исторический опыт прошлого.

* * *

Некоторые исследователи сходятся во мнении, что идейный максимализм интеллигенции, вполне допустимый в рамках чисто интеллектуальной деятельности, будучи перенесенным в сферу практической политики и власти, оборачивается прямым идеологическим насилием над действительностью [15, с. 39]. В идеале было бы желательно, чтобы художественная интеллигенция дистанцировалась от власти. Но, тем не менее, на практике в

различные периоды истории ее представители входили в структуры власти и довольно квалифицированно решали поставленные задачи.

В целом система воздействия в культуре утверждалась гораздо дольше, чем в экономике и политике. Это было связано с тем, что значительная часть художественной интеллигенции занимала первоначально нейтральные позиции, и поэтому процесс усвоения ею большевистской идеологии был сложным, медленным и противоречивым. Для утверждения марксистско-ленинского влияния на художественную интеллигенцию партии пришлось использовать самые разнообразные методы и каналы идеологического воздействия. Ведущее место среди них занимала советская печать. Видную роль в большевистской пропаганде сыграл профессиональный союз работников искусств – Всерабис, организованный в 1919 г. Свою основную миссию он определял как «активное участие его членов в поднятии общественно-политического уровня работников искусств, их классовое воспитание и всемерное вовлечение в русло общественно-политической жизни, разъяснение основных задач социалистического строительства» [13, с. 28].

Уделяя значительное внимание вовлечению старой интеллигенции в социалистическое строительство, Советское государство вместе с тем решало и другую важнейшую задачу – подготовки кадров новой интеллигенции. Преподавание общественных наук перестраивалось на марксистско-ленинской основе, сами профессора и студенты вовлекались научными обществами и партийными организациями в марксистское просвещение. Из научных планов, программ и учебных курсов, из практики преподавания вытеснялось многое из того, что было связано со старой культурой. Завоевать высшую школу политически – означало обеспечить революционное направление ее работы, идеологически обработать проходящих через нее студентов и использовать ее для подготовки возможно большего числа специалистов, прежде всего членов партии.

Коммунистическая партия определила в отношении различных категорий интеллигенции четкую политическую линию. Среди местной бурятской интеллигенции шло серьезное расслоение по двум линиям. К первой были отнесены лица, объединившиеся вокруг националистических целей. Вокруг второй линии спланивались сторонники советской власти. Это была та часть советизированной интеллигенции, которая вышла преимущественно из трудовых элементов бурятского населения. Их политическая линия соответствовала стратегическим целям партии и принципам советской власти. Они и составили подавляющее большинство бурятской интеллигенции.

В соответствии с данной градацией была определена политическая линия партии и советской власти в отношении этих категорий национальной интеллигенции. Она базировалась на беспощадном подавлении враждебно настроенных элементов вне зависимости от формы и существа их выступлений, на пресечении всяческих попыток со стороны той части национальной интеллигенции, которая была недовольна национальной политикой, проводимой большевистской партией. В то же время предусматривались меры, поощряющие представителей интеллигенции, добросовестно работающих и

твёрдо стоящих на платформе советской власти. Осуществление этих задач стало возможным лишь на основе углубления дифференциации в среде бурятской интеллигенции, укрепления позиций ее советизированной части.

Представители партийного аппарата понимали, что одними мерами физического давления художественную и научную интеллигенцию на свою сторону не привлечешь. Поэтому в конце 1920-х – начале 1930-х гг. власть поощряла дискуссии, развернувшиеся по вопросам развития художественной культуры. Примером может служить острая дискуссия о путях формирования и развития бурятского советского искусства, его содержании и форме, культурном наследии. Некоторые представители бурятской интеллигенции (П. Дамбинов, М. Саридак (Б. Найдаков), Д. Иванов (Б. Бадрино) считали возможным и даже необходимым при создании национального искусства, в особенности театрального, использовать дацанское искусство. Другие, напротив, проявляли нигилистическое отношение и недооценивали возможность использования богатств народного творчества бурят при создании социалистической культуры. Первые были обвинены в национализме. Но и вторые не были поддержаны.

Областная партийная организация отвергла оба этих течения и представила свою разработку теоретических вопросов развития национальной культуры, отраженную в решениях VII областной партийной конференции, областного партийного совещания (1930 г.) [4, л. 244–249] и пленума обкома (1931 г.) [7] по вопросам культурного строительства, а также в постановлениях бюро обкома ВКП(б). В партийных документах указывалось, что «по своему содержанию национальная культура должна быть социалистической, проникнутой идеями марксизма-ленинизма. При этом все ценное из созданной веками демократической культуры бурятского народа должно быть полностью использовано и развито». «Важнейшим источником формирования профессионального искусства является самостоятельное творчество строителей нового социалистического общества. Основой национальной формы бурятской советской культуры может быть лишь форма демократической культуры народа. Но это не значит, что последняя целиком и полностью будет принята при создании новой культуры. Социалистическое содержание не может уложиться в старую форму. Поэтому устаревшие элементы национальной формы будут отброшены, она будет обогащаться новыми элементами, приемами, методами художественного изображения действительности» [7, с. 12]. Октябрьская революция сделала высшим достижением справедливости приоритет классовых ценностей. Вследствие этого все, что было связано со старой идеологией и прежней государственностью, к 1930-м гг. оказалось за рамками революционной законности.

Анализируя программу социалистического строительства партии большевиков, следует отметить, что теоретически она отвечала интересам подавляющей части художественной интеллигенции, жившей ожиданием радикальных перемен, стремившейся к ним и обосновывающей их. Лидеры партии большевиков понимали значимость интеллигенции. Но правда заключалась в том, что на интеллигенцию смотрели прежде всего как на необ-

ходимый материал для великого социального эксперимента, который по мере его успешного осуществления станет побочным продуктом общественного развития.

Говоря о системе воздействия партийно-государственных органов на интеллигенцию, следует иметь в виду, что ее формирование началось в 1920-х и продолжалось в течение 1930-х, обретая все более четкие организационные формы. При этом идеологическое воздействие сопровождалось физическим и осуществлялось по нескольким направлениям:

- перевоспитание (добровольное или с применением методов принуждения);
- изоляция реальных и потенциальных оппонентов (высылка, аресты);
- унификация художественных подходов;
- формирование специальных государственных органов политического контроля и политического руководства культурой;
- контроль за профессиональной и общественной деятельностью интеллигенции (цензура, периодическая отчетность и т. д.);
- изменение социального происхождения интеллигенции (классовый принцип);
- марксистско-ленинское влияние на интеллигенцию через печать, профсоюзы, преподавание общественных наук в системе образования (пропагандистская обработка);
- проведение дискуссий политического характера с участием ученых и представителей художественной интеллигенции под строгим контролем партийных органов;
- создание единых творческих союзов как каналов проведения идеологических установок и формирования мировоззренческих авторитетов в художественной среде;
- ставка на массовый охват членов союзов идеологической работой.

Большевицкая доктрина постепенно превращалась в единую мировоззренческую систему. В конце 1930-х гг. она стала основной в деятельности партийно-государственного аппарата, орудием его идеологического воздействия на общество. В результате была унифицирована вся пестрота идейных взглядов, обеспечено привилегированное положение «социалистическому реализму». В целом по стране координирующим центром этой деятельности стал Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) – Агитпроп, который определял стратегию и тактику культурного развития. В мае 1935 г. в связи с усложнением культурной жизни и с необходимостью укрепления партийного руководства культурой этот отдел был реорганизован. На его базе специальным постановлением ЦК партии было создано пять отделов: партийной пропаганды и агитации; печати и издательств; школ; науки и культурно-просветительной работы. В обязанности отдела культурно-просветительной работы и был вменен контроль за сферой деятельности всех культурно-просветительных учреждений – творческих союзов, радио, кино, театров [17, с. 34]. Аналогичные отделы были созданы в структурах партийных органов республиканского, городского и районного масштаба.

Агитпроп был создан и в Бурят-Монгольской АССР. Подобная реорганизация отражала возросшую роль партии в социалистическом строительстве и ее стремление охватить все участки идеологической работы.

Существенную роль в механизме идеологического воздействия на художественную интеллигенцию сыграла цензура. Еще в 1922 г. в стране был создан Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств). На Главлит и его местные органы возлагался предварительный просмотр всех произведений, предназначенных к опубликованию. Главлит запрещал издание и распространение произведений, не только содержащих агитацию против советской власти, разглашающих военные тайны, возбуждающих общественное мнение, провоцирующих национальный и религиозный фанатизм, носящих порнографический характер, но и всех тех, которые по той или иной причине шли вразрез с утверждающейся идеологией государства диктатуры пролетариата. Контроль за этой работой был возложен на ОГПУ.

В середине 1930-х гг., когда сформировалось «закрытое» советское общество, цензура отчуждалась от культурной традиции, работала против нее и, в конечном счете, против самого социума [14, с. 88]. К тому же ОГПУ следило за составом фондов библиотек, книжных магазинов, изымало и подвергало уничтожению издания, входившие в списки запрещенных книг, подготовленных органами Главлита. Советская цензура негативно влияла на подготовку талантливых специалистов, поскольку ограничивала свободу творчества, затрудняя распространение новой информации и доступ к ней. Цензура осуществляла контроль и за театральным искусством. Для этой цели в 1929 г. в системе Наркомпроса и его отделах на местах были созданы управления по делам искусств. В 1935 г. руководство всей театральной жизнью было передано в руки единого государственного органа – Комитета по делам искусств при СНК СССР, в составе которого сохранилось и Главное управление театров. К примеру, до 1936 г. бурятский драматический театр находился в ведении Наркомпроса БМАССР, а с 1937 г. был передан в Управление по делам искусств при Совнаркоме БМАССР. Новое Управление возникло из необходимости придать дополнительный импульс творчеству художественной интеллигенции, поставить ее деятельность под строгий партийный контроль. Отражением этой политической линии явилось и создание в структуре комсомольских органов секторов и отделов по вопросам культурного строительства.

Специальный орган, контролировавший репертуар всех театров страны (Главрепертком), требовал на предварительный просмотр и утверждение репертуарные планы крупнейших театров. Таким образом, через партийные и государственные организации театр постепенно был интегрирован в политическую систему общества. Главрепертком разрешил пьесы А. М. Горького, но зато запретил произведения И. Бабеля, М. Булгакова, Д. Мережковского, А. Толстого, Н. Эрдмана и др. Вопросами театрально-концертной жизни Бурят-Монголии ведало Управление театрально-зрелищными предприятиями (УТЗП) при Наркомпросе БМАССР. Оно контролировало всю деятельность театра: репертуар, работу актеров, директора, режиссера, ху-

дожника, условия их жизни, а также вопросы, связанные с производством. Контролируя театр, УТЗП в то же время не делало ни шагу без ведома обкома ВКП(б).

Идеологический контроль за репертуаром театров свидетельствовал о целенаправленном создании искусственной обстановки социальной напряженности в стране. Учитывая это, в театрах создавались худполитсоветы, первоначально состоявшие из молодых актеров и режиссеров, а позже – преимущественно из партийных чиновников, указывавших мастерам сцены на их «идейные просчеты», решавших судьбу той или иной постановки. На закрытых просмотрах и генеральных репетициях всегда присутствовали «компетентные товарищи» из горкомов, райкомов и ОГПУ. Среди различных видов контроля над театральной жизнью страны и республики хотелось бы выделить и такую, далеко небезобидную форму работы, как организация массового зрителя. Приоритетное обслуживание названной категории населения, предоставление ей в качестве поощрения бесплатных билетов предусматривало не только приобщение к более высокому искусству, но и навязывание определенных идеологических установок. Власти таким путем пытались растворить личность в коллективе, усреднить ее вкус и ориентиры.

Руководящая партия входила в те сферы, которые были ей не подвластны, в специфические сферы искусства, его имманентно суверенной жизни. В результате не пойманный на чуждой идеологии художник мог быть пойман на «чуждой форме», на «чуждом стиле». Возможность быть «пойманным» предельно расширялась, возможность быть понятым предельно сужалась. Партийные органы априорно подрывали авторитет художественной интеллигенции, ставя ее в полную зависимость от партийных решений, лишая профессиональной автономии [11, с. 179].

Важнейшей формой идеологического воздействия на художественную интеллигенцию стало в рассматриваемый период вовлечение ее в творческие союзы, создаваемые в 1930-х гг. Если до 1932 г. творческие союзы интеллигенции еще сохраняли какое-то подобие добровольных объединений, самостоятельности, то после этого времени их организационное и правовое положение изменилось. Сохраняя минимальные черты творческих общественных организаций, они стали как бы и профсоюзами. По существу, они были превращены в придаток государственного механизма. Их уставы утверждались уже не на учредительных съездах, как раньше, а правительством. Государственное руководство все больше заменялось партийным, и со временем они превратились в «проводников культурной политики партии».

Составной частью карательной политики властей стали высылка и физические репрессии против всех групп интеллигенции, в том числе и художественной. Для взаимоотношений советской власти и интеллигенции характерным было преследование последней по политическим, идеологическим мотивам и классовым признакам, когда даже при отсутствии состава преступления обвиняемые заносились в разряд контрреволюционеров. В Бурят-Монголии органами НКВД было инспирировано широко известное

дело о так называемой контрреволюционной шпионской «панмонгольской» организации, члены которой были репрессированы.

В этот период в Бурятии широким фронтом велась кампания против духовенства. Репрессии обрушились на буддийскую, православную, старообрядческую и другие конфессии. Основным их мотивом было то, что церковь препятствует росту колхозов, торпедирует активность бедняцко-среднеяцких масс, ведет контрреволюционную, антисоветскую пропаганду. Многие служители культа были вынуждены снять с себя духовный сан. Активные сторонники сохранения религии, сопротивлявшиеся закрытию храмов, арестовывались и приговаривались к различным срокам заключения; часть их была выслана за пределы республики. А органами НКВД раскрывались все новые и новые контрреволюционные, повстанческо-диверсионные организации при дацанах и церквях. Расследование и изучение архивных материалов установило, что многие из так называемых контрреволюционных организаций вообще не существовали. Предварительное следствие по этим делам проводилось с нарушением законности и фальсификацией следственных материалов.

Исследования показывают, что репрессивная политика нарастала постепенно. 1934–1935-е гг., несмотря на общие тенденции усиления политического террора в стране, не назовешь тяжелыми в политической истории Бурятии. Напротив, в январе 1936 г. руководители партии и правительства И. Сталин, М. Калинин, В. Молотов, К. Ворошилов, А. Микоян, С. Орджоникидзе, А. Андреев, В. Яковлев приняли делегацию трудящихся Бурят-Монголии во главе с М. Ербановым. Всю страну облетела фотография «вождя народов» с шестилетней Гелей Маркизовой на руках. Яркая речь В. Молотова с завершающими торжественными словами, произнесенными на бурятском языке, вызвала оживленные пересуды у многих в Бурят-Монголии. Главное же заключалось в том, что политическая работа в республике получила исключительно высокую оценку [6].

Коренным образом обстановка изменилась после печально известного февральско-мартовского пленума ЦК партии. Впервые формулировка о неблагоприятном положении дел в Бурятии появилась после проведенных оперативно-следственных мероприятий в Ленинграде, когда в начале 1937 г. была арестована большая группа служителей буддийского культа Ленинградского дацана, служащие Тибетско-Монгольской группы, а также видные общественные деятели, ученые Бурят-Монголии [9, с. 42]. В справке, составленной 3-м отделом УНКВД Ленинградской области, говорилось, что «следственным путем вскрыта контрреволюционная шпионско-повстанческая организация, возглавляемая представителем Тибета в СССР Агван Доржиевым и поданным МНР проф. Жамсарано Цыбенюм». Далее говорилось, что в эту группу входят Барадин Базар – преподаватель монгольского языка ЛИФЛИ, Гомбоин Лобсан-Гарма – аспирант Академии наук СССР, Будаев Оцор Будаевич – художник музея истории религии, Абидуев Цырен-Даши – лама, без определенных занятий, Одонов Лобсан-Оцор – без определенных занятий. Якобы являясь активными участниками названной

контрреволюционной группы, они проводили работу по подготовке восстания в Бурятии. В заключение справки сказано, что, находясь в Ленинграде, они принимали участие в обсуждении контрреволюционных вопросов на сборищах, устраиваемых Агваном Доржиевым и проф. Жамсарано, и в контрреволюционной обработке монгольской и бурятской молодежи [1, л. 47].

Как видно из дела Б. Барадина, он был арестован в соответствии с такими обвинениями и на первых допросах отрицал свое участие в контрреволюционной шпионско-повстанческой организации, но через два месяца нахождения под следствием полностью признал предъявленные ему обвинения. По наводящим вопросам следователей обвиняемый также признал связь своей организации с контрреволюционной троцкистско-террористической организацией, с которой подпольно контактировали. По требованию следователя Б. Барадин указал в качестве руководителей контрреволюционной организации бывшего начальника наркомпроса О. Дашидондобэ, бывшего заведующего культпропотделом обкома партии Д. Мункина, бывшего председателя БурЦИКа Б. Дабаина, бывшего заместителя директора Института культуры Раднабазарона, Чимидуна и себя. Членами этой группы были также названы бывший директор Института культуры Б.-Д. Тогмитов, сотрудник газеты «Бурят-Монголой Унэн» Д. Ардин, поэт П. Н. Дамбинов, аспирант АН СССР Б. Болодон и другие – всего 13 человек [10, с. 19].

На основе представленного следователями НКВД обвинительного материала на закрытом заседании выездной сессии военной коллегии Верховного Суда СССР 24 августа 1937 г. в Ленинграде Б. Б. Барадин был осужден по статьям 58–1а, 58–7, 58–8, 58–9 и 58–11 Уголовного кодекса РСФСР. Заседание суда длилось всего 15 минут, и судьба известного бурятского общественного деятеля была решена – он был приговорен к расстрелу, который вскоре был приведен в исполнение. Профессор Б. Б. Батуев убедительно доказал вынужденный характер признаний Б. Б. Барадина, самооговор и оговор других людей, а также преступную роль следователей НКВД, недозволенными, противоправными средствами и насилием добывавшихся угодных им признаний.

К сожалению, нам еще не до конца известны многие подробности политических репрессий в Ленинграде, однако материал, имеющийся в архиве ФСБ по Республике Бурятия, показывает, что многие из «признательных» показаний общественных деятелей, ученых, служителей культа стали поводом для расширения репрессивной политики. Как выяснилось позже, в 1950-х гг., жесткая позиция в отношении ленинградской группы не была случайной. В заключении главного военного прокурора 9 августа 1955 г. по делу М. Н. Ербанова отмечалось: «Ознакомлением с агентурными и официальными документами по делу № 404 “Реванш” установлено, что ОГПУ УНКВД БМАССР и Восточно-Сибирского края в 1930 г. начали вести активную агентурную разработку бурят-монгольских националистов проф. Б. Барадина и др. По материалам этой разработки 8 июня была составлена итоговая сводка, в которой значилось 438 человек, в том числе 81 видный партийный и беспартийный работник республики». Как выяснилось из этого

документа, аресты начала 1937 г. были во многом связаны именно с этим сбором первичного материала. На основании показаний арестованных, среди которых были Чимидун, Мункин, Дашидондобэ, Жамсарано, Ванданов, Будаев, Аюрзанов и др., 10 мая 1937 г. был составлен список лиц, причастных к «панмонгольской организации». В этом списке значилось 388 человек [2, с. 112].

Пиком новой волны массовых репрессий стали 1937–1938 гг. За 1937 г. и десять месяцев 1938 г. в Бурятии было арестовано 6836 человек, из которых в этот же период было осуждено 4907. Был уничтожен цвет бурятской национальной интеллигенции. Погибли Э-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Б. Баррадин, Солбонэ Туя, Ц. Дон, Ж. Батоцыренов, Б. Тогмитов, Ж. Раднабазарон и др. [2], имена которых на протяжении долгого времени были преданы поруганию и забвению. Для судеб художественной культуры особое значение имели повальные обвинения в национализме, попытке создания панмонгольской организации, шпионско-диверсионной деятельности в пользу милитаристской Японии.

Дела представителей художественной культуры и творческой интеллигенции были выделены в отдельную группу с тем, чтобы показать особую изощренность панмонголистов в борьбе с советской властью, идеологическую масштабность буржуазных националистов. Не случайно по делам Дашинамаева, Очирона, Ширабона, Ардина, Дампилона, Дондубона, Очиржабэ, Раднабазарона, Ламажапова была назначена специальная экспертная комиссия [3]. Политические репрессии нанесли невосполнимый ущерб развитию национальной художественной культуры. Только в области литературы незаконным репрессиям подверглись И. Дампилон, С. Балдаев, Ж. Батоцыренов, Д. Дашинамаев, Ц. Дондубон, Ц. Жамцарано, С. Михаханов, Д-Р. Намжилон, Солбонэ Туя, С. Ширабон. Из состоящих тогда на учете в писательской организации 19 человек и кандидатов в члены Союза писателей 12 были арестованы.

Но не только количественными показателями измеряются социально-культурные и политические последствия репрессий 1920–1950-х гг. Для художественной культуры Бурятии положение усугубилось окончательным утверждением мнения о наличии в республике панмонгольских настроений, переросших в фазу создания массовой законспирированной контрреволюционной организации. Этот ярлык был приклеен к нескольким поколениям бурятской интеллигенции. Исключительно резкий карательный подход к проблеме панмонголизма привел на долгое время не только к ослаблению культурно-исторической связи бурятского народа с Монголией, но и к значительному отрыву от центральноазиатской культуры, что болезненно сказалось не только на духовно-религиозной основе, но и на целом комплексе бытовой и празднично-обрядовой культуры.

Содержание арестованных представителей интеллигенции по политическим и идеологическим мотивам совместно с уголовным элементом свидетельствовало еще об одной грани отношения властей к своим оппонентам. Угрозы и морально-психологическое унижение людей стали основным ме-

тодом обращения с инакомыслящими. Террор и деморализация культурной элиты, запугивание ее политическими процессами, набравшими силу в стране, приобрели такие масштабы, что массовые проявления протеста практически стали невозможны.

Анализ процесса формирования механизма идеологического воздействия советской власти на художественную интеллигенцию Бурятии в этот период далеко не исчерпывает все его формы, но позволяет сделать следующие выводы:

– представители власти объективно понимали нужность интеллигенции для реализации планов создания нового общества;

– методы, при помощи которых партия и государство пытались приблизить к себе и подчинить художественную интеллигенцию, во многом были порочными, насильственными, вызваны низким культурным и политическим уровнем как населения страны в целом, так и ее руководителей в частности;

– академическая наука, народное просвещение, периодика и книгопечатание, театральные репертуар, литература и искусство – все испытали мощный идеологический пресс со стороны широко разветвленного партийно-государственного аппарата.

Мастера искусств, искренне поверившие в революцию, приняли, как само собой разумеющееся, и административно-командную систему управления, которая применительно к искусству сочетала политику «кнута и пряника». Художники попадали в прямую зависимость от власти. Переводя политические тезисы партократии на язык поэзии и живописи, они получали и признание, и государственные награды, и житейские привилегии. Особенно в 1930-е и последующие годы это приняло широкие масштабы и находило отражение в советской прессе. В творчестве художников все чаще появлялись произведения, посвященные советской власти, руководителям партии и государства. Можно привести множество примеров, но приведем лишь один. Как писала «Театральная жизнь», орган Главного управления театров Комитета по делам искусств при Совнарком СССР, от 21 октября 1940 г., «к 60-летию со дня рождения товарища Сталина многие художники Бурят-Монголии посвятили свои картины тяжелым и незабываемым годам пребывания Иосифа Виссарионовича в царской Сибири, в ссылке в Новой Уде. Замечательна по теме и интересна по разрешению картина художника Тимина, рисующая товарища Сталина в молодые годы, в момент получения им письма от В. И. Ленина» [8, с. 1–2].

Парадоксально, но в годы сталинской диктатуры культурно-демократические традиции были подавлены не окончательно, сохранялась преемственность с предшествующей культурой. Поэтому произведения писателей и художников не отвергались народом. Важная роль в идеологическом воспитании театральной интеллигенции отводилась партии, комсомолу и профсоюзу, которые руководили политическим, профессиональным и культурным просвещением своих членов. «Бурятский обком партии непосредственно занимался организационными и творческими вопросами дея-

тельности учреждений культуры. Он ставил перед партийными организациями и коллективами этих учреждений конкретные задачи по овладению деятелями литературы и искусства методов социалистического реализма, росту их идейного уровня и художественного мастерства, помогал им в решении указанных задач. На бюро обкома партии рассматривались планы работы творческих коллективов, тематика создаваемых произведений и репертуар театров» [16, с. 346].

Советское правительство пыталось улучшить материальное положение художественной интеллигенции. Материальные проблемы были возложены на госаппарат, и это означало, что в руках государства оказалось мощное средство воздействия на все стороны ее жизни. Идеология принуждения стала господствующей во всех областях общественной жизни. Высокая цель – строительство светлого будущего, по твердому убеждению большевиков, оправдывала любые средства ради ее достижения. Так, в докладе М. Н. Ербанова «Культурно-национальное строительство БМАССР» на втором Пленуме обкома ВКП(б) говорилось: «Дело приобщения Бурятии к социалистической пролетарской культуре через развитие национальной культуры... дело... целого периода осуществления диктатуры пролетариата. Надо строго помнить каждому рядовому бурят-монголу, что носителем социалистической культуры является только пролетариат, что только при диктатуре пролетариата и Советской власти можно и должно говорить о строительстве социализма» [5].

Часть художественной интеллигенции, не принимая некоторых направлений развития культуры и творчества, в силу особенностей провинциальной культурной жизни и своей малочисленности в открытую борьбу против партийных и идеологических установок не вступала, в митингах и протестах не участвовала, но через свои произведения выражала критическое отношение к происходящему в обществе. Для руководящих структур в определенный период представители художественной интеллигенции могли оказаться неугодными и подвергались репрессиям. В практике повседневного руководства интеллигенцией на местах никто не оставался вне поля зрения власти, при этом существенное значение имел классовый, сословный подход, учет происхождения.

Революция в стране с многоукладной пестротой классов, сословий, традиций – явление чрезвычайно сложное. В водовороте событий непросто было разобраться, и потому не могут быть справедливыми теоретические претензии к художественной интеллигенции Бурятии. Следует учитывать особую трудность ее пути. Жажда солнца, мечта и надежда в народе не убывала, и потому творцы оказались «революцией мобилизованными и призванными». Чтобы раскрыть, утвердить свои лучшие надежды, ожидания, они искали гиперболы, красочные образы, пламенные метафоры. И такой путь нередко казался единственно правильным, подлинным реализмом.

Особенность национальной культуры была порождена выходцами из деревни, воспитанными на традициях фольклора, народного быта. Большинство представителей художественной интеллигенции Бурятии верило,

что в революционных преобразованиях заключено живое будущее близкой сердцу родины. Творческие порывы определялись принятием революции, интернациональным пафосом, культом трудовой нравственности, кровной связью с природой, желанием родному миру красоты и гармонии, созданием личной причастности к преобразованиям – такие главные устои морально-психологического и социального свойства объединяли этих творцов. С одной стороны, для представителей художественной интеллигенции были характерны крах сложившихся представлений и ориентаций, а с другой – вера в жизнеутверждающее и романтическое будущее. Все это отражалось в создаваемых (литературой, театром, живописью, другими видами искусства) социально-психологических типах и художественных образах.

В рассматриваемый период происходило огосударствление профессиональных творческих союзов, влиявших на социально-психологический портрет и творческие судьбы. Проявились явные признаки профессиональной принадлежности, корпоративного коллективизма, несущего дополнительные штрихи к «портрету» (театральная интеллигенция, объединения писателей, художников). Происходила (хотя и менее заметная в провинции) идейно-политическая поляризация. По-разному складывались на этой основе творческие биографии и судьбы. Одним доставались трудные дороги, скитания, трагические обстоятельства, другие получали скорое признание, положение и славу. Но в разнообразии условий жизни и творчества почти все представители художественной интеллигенции обладали высоким трудолюбием, даже при критическом настроении проявляли искренность, любовь к окружающему миру, сочувствие к униженным и оскорбленным.

На наш взгляд, неверно было бы представлять развитие отношений художественной интеллигенции и советской власти только как борьбу, конфронтацию. Со временем стали меняться роль и место интеллигенции в обществе, возрастали ее значение и влияние, в том числе и на властные структуры. Перемены, происходившие в советском обществе, изменили социальный облик интеллигенции, характер ее взаимоотношений с властью. Другой стала ее роль в социальной структуре общества, в воспроизводстве ценностей во всех областях жизни и на всех уровнях, особенно в области культуры, идеологии, науки, образования. Но при этом власть по-прежнему продолжала выделять в качестве главной функции интеллигенции идеологическую, при выполнении которой она должна выступать «воспроизводителем и распространителем марксистско-ленинской идеологии». Сложившееся противоречие особенно обострилось в последние десятилетия советской власти.

Список литературы

1. Архив УФСБ по г. Санкт-Петербургу. Д. П-31277 (Б. Б. Барадина). Т. 3.
2. Архив УФСБ по Республике Бурятия. Д. 2888 (М. Н. Ербанова). Т. 1; Д. 3839/с (Доржиева Д. Д.); Д. 3766 (Маркизова А. А.). Т. 1–3.
3. Архив УФСБ по Республике Бурятия. Д. 3833.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 181. Л. 244–249.

5. ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 717. Л. 195–205.
6. Бурят-Монгол. правда. – 1936. – 30 янв.
7. Резолюции III объединенного пленума Буробкома и ОК ВКП(б). – Верхнеудинск, 1931.
8. Театрал. жизнь. – 1940. – № 13 (34). – 21 окт. – С. 3–5.
9. *Андреев А.* Буддийская святыня Петрограда / А. Андреев. – Л., 1989. – 128 с.
10. *Батуев Б. Б.* Базар Барадин. Штрихи к политической биографии // Неизвестные страницы истории Бурятии. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1991. – С. 6–22.
11. *Вишневская И. Л.* От какого наследства мы отказываемся? // Современ. драматургия. – 1991. – № 2. – С. 105–208.
12. *Волгина Н. Д.* Провинциальная интеллигенция в социальной структуре современного российского общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Д. Волгина. – Саратов, 1999. – 17 с.
13. *Лукин Ю. А.* Политика КПСС в области художественной культуры / Ю. А. Лукин. – М. : Наука, 1985. – 112 с.
14. *Левченко И. Е.* Цензура как социокультурный феномен // Социс. – 1996. – № 8. – С. 87–90.
15. *Межуев В. М.* Интеллигенция и демократия // Свобод. мысль. – 1992. – № 16. – С. 34–47.
16. Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ : Бур. кн. изд-во, 1970. – 611 с.
17. Советская культура в реконструктивный период. – М., 1988. – 608 с.

Art Intellectuals of Buryat-Mongolia and Power

S. V. Kirichenko

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. In article is considered the relations of the art intellectuals of Buryat-Mongolia with power in the structure of the Soviet society in 1920–1930th. The author made an attempt to study and give an objective assessment to the organization and carrying out ideological campaigns of the power in the sphere of culture during that period. Process of implementation party's resolutions concerning culture and art on places is reconstructed on the base of archival document's analysis on the example of the national republic.

Keywords: art intellectuals, Soviet power, policy, communist party, ideological control, censorship, repressions.

Кириченко Светлана Викторовна

*кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)65-51-37
e-mail: l-a-n-a@mail.ru*

Kirichenko Svetlana Viktorovna

*Candidate of Sciences (Sociology),
Senior Research Scientist
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012)65-51-37
e-mail: l-a-n-a@mail.ru*